

Эрнест Хемингуэй

Ernest Hemingway

Победитель
не получает ничего

Библиотека классики (АСТ)

Эрнест Хемингуэй

Победитель не получает ничего

«Издательство АСТ»

1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1933, 1938, 2020

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э. М.

Победитель не получает ничего / Э. М. Хемингуэй —
«Издательство АСТ», 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1933, 1938,
2020 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-145216-2

Широкое признание Хемингуэй получил не только благодаря своим романам, но и многочисленным рассказам, затрагивающим тему войны, любви, героизма, самопожертвования... В издание включены шедевры короткой прозы Хемингуэя из знаменитых сборников «В наше время», «Мужчины без женщин», «Победитель не получает ничего» и нескольких других, опубликованных еще при жизни писателя, а также ранее не издававшиеся на русском языке рассказы: «Восторг погони», «Индийская территория и Белая бригада», «Памятник» и «Комната окнами в сад».

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145216-2

© Хемингуэй Э. М., 1923, 1924, 1925,
1926, 1927, 1933, 1938, 2020

© Издательство АСТ, 1923, 1924, 1925,
1926, 1927, 1933, 1938, 2020

Содержание

Из сборника	6
В мичиганской глубинке	6
В наше время	9
В наше время	16
В порту Смирны	16
Глава первая	18
Глава вторая	21
Глава третья	24
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эрнест Хемингуэй

Победитель не получает ничего

- © Hemingway Foreign Rights Trust, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1933, 1938, 2020
- © Перевод. В.А. Вебер, 2019
- © Перевод. Н.А. Волжина, наследники, 2019
- © Перевод. Н.Л. Дарузес, наследники, 2021
- © Перевод. И.Я. Доронина, 2021
- © Перевод. К.С. Егорова, 2019
- © Перевод. М.Ф. Лорие, наследники, 2015
- © Перевод. Т.А. Озерская, наследники, 2021
- © Перевод. Р. Я. Райт-Ковалева, наследники, 2021
- © Перевод. А.В. Санин, 2019
- © Перевод. С.Э. Таск, 2019
- © Перевод. В.М. Топер, наследники, 2021
- © Перевод. О.П. Холмская, наследники, 2019
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Из сборника Три рассказа и десять стихотворений (1923)

В мичиганской глубинке

Джим Гилмор приехал в Хортонс-Бей из Канады. Купил кузницу у старика Хортонна. Невысокого роста, черноволосый, с большими руками и усами, он мастерски подковывал лошадей, но внешне не напоминал кузнеца, даже когда надевал кожаный фартук. Поселился он в комнате над кузницей, а столовался у Эй-Джей Смита.

Лиз Коутс прислуживала у Смитов. Миссис Смит, очень крупная, чистоплотная женщина, говорила, что не видела девушки опрятнее Лиз. Ноги красивые, передник в мелкую клетку всегда чистый, и Джим заметил, что волосы у нее никогда не выбиваются из прически. Ему нравилось ее лицо, всегда такое радостное, но он никогда не думал о ней.

А Лиз очень приглянулся Джим Гилмор. Ей доставляло удовольствие смотреть, как он идет из кузницы, и она часто подходила к двери кухни, поджидая, когда он появится на дороге. Ей нравились его усы. Нравилась его блестящая улыбка и то, что он не похож на кузнеца. Нравилось, что он так по душе Эй-Джей Смицу и миссис Смит. Однажды, когда он умывался над тазом во дворе, она заметила, что руки у него в черных волосах, а выше линии загара – в белых. И смутилась, осознав, что это ей нравится.

Городок Хортонс-Бей, расположившийся на шоссе между Бойн-Сити и Шарльвуа, насчитывал всего пять домов, если не считать лавки и почты с высоким декоративным фасадом, перед которой обычно стоял чей-нибудь фургон: дом Смита, дом Страуда, Фокса, Хортонна и Ван Хусена. Дома окружала большая вязовая роща, и дорога проходила по сплошному песку. По обеим ее сторонам фермы чередовались с лесом. Сразу за городком у дороги находилась методистская церковь, а чуть не доезжая до него – городская школа. Кузница, выкрашенная в красный цвет, стояла напротив школы.

Песчаная лесная дорога через лес круто спускалась с холма к бухте. С заднего крыльца Смитов открывался отличный вид и на лес, который уходил к бухте и огибал ее, и на само озеро. Особенно красиво лес и озеро выглядели весной и летом, когда бухта ярко синела на солнце, а за мысом почти всегда белели барашки, вызванные ветром, дувшим со стороны Шарльвуа и с озера Мичиган. С заднего крыльца Смитов Лиз видела далеко от берега баржи с рудой, направляющиеся в Бойн-Сити. Когда она смотрела на них, они вроде бы были неподвижны, но если уходила в кухню, вытирала несколько тарелок и возвращалась на крыльцо, они уже успевали скрыться за мысом.

Лиз все время думала о Джиме Гилморе. Он как будто и не замечал ее. Разговаривал с Эй-Джей Смитом о своей кузнице, и о республиканской партии, и о Джеймсе Г. Блейне¹. По вечерам при свете лампы читал в гостиной толедскую «Блейд» и газету Грэнд-Рэпидса или с Эй-Джей Смитом в бухте бил рыбу острогой. Осенью они со Смитом и Чарли Уайменом взяли фургон, загрузили в него палатку, провизию, винтовки, топоры, двух собак и уехали на лесистую равнину за Вандербилтом охотиться на оленей. Лиз и миссис Смит четыре дня собирали им в дорогу еду. Лиз хотела приготовить для Джима что-нибудь повкусней, но так

¹ Блейн, Джеймс Гиллеспи/Blaine, James Gillespie (1830–1993) – американский политик-республиканец, член Палаты представителей, спикер Палаты представителей, сенатор США от штата Мэн и дважды госсекретарь США. Был кандидатом в президенты в 1884 году, но потерпел поражение с небольшим отрывом от демократа Гровера Кливленда.

и не сделала этого, потому что боялась попросить у миссис Смит яиц и муки и боялась, что миссис Смит застанет ее за стряпней. Миссис Смит, вероятно, промолчала бы, но Лиз все равно боялась.

Пока Джим охотился на оленей, Лиз все время думала о нем. Без него стало просто невозможно. Она почти не спала – так много думала о нем, но поняла, что думать о нем приятно. Ей становилось легче, когда она давала волю мыслям. Последнюю ночь перед возвращением мужчин она не спала вовсе, то есть она думала, что не спала, поскольку все перепуталось: то ей снилось, что она не спит, то она и в самом деле не спала. Завидев на дороге фургон, она ощутила слабость, и у нее засосало под ложечкой. Она не могла дожидаться этой встречи, ей казалось, едва он вернется, все образуется. Фургон остановился под высоким вязом; миссис Смит и Лиз вышли из дома. Все мужчины отрастили бороды, а в задней части фургона лежали три оленя, и их тонкие ноги торчали над бортом, как палки. Миссис Смит поцеловала Алонсо, он обнял ее. Джим поздоровался: «Привет, Лиз» – и улыбнулся. Лиз не знала, что именно должно произойти, когда приедет Джим, но чего-то ждала. Ничего не случилось. Мужчины вернулись домой – вот и все. Джим стянул с оленей холщовые мешки, и Лиз подошла посмотреть на животных. Одним из них был крупный самец. Он совсем заостенел, и его с трудом вытащили из фургона.

– Это ты его застрелил, Джим? – спросила Лиз.

– Я. А верно, красавец? – Джим взвалил оленя на спину и понес в коптильню.

В тот вечер Чарли Уаймен остался у Смитов. Все решили, что возвращаться в Шарльвуа слишком поздно. Мужчины умылись и собрались в гостиной в ожидании ужина.

– Не осталось ли чего в том горшке, Джимми? – спросил Эй-Джей Смит. Джим пошел к фургону – его закатили в сарай – и достал глиняный горшок с виски, который они брали с собой на охоту. Горшок вмещал четыре галлона, и на дне еще плескалось порядочно. Джим отхлебнул виски, возвращаясь от сарая к дому. Пить из такого большого горшка не так-то просто. Немного виски пролилось на рубашку Джима. Мужчины заулыбались, когда он показался в дверях с горшком. Смит потребовал стаканы, и Лиз принесла их. Эй-Джей наполнил все три.

– За твое здоровье, Эй-Джей, – поднял свой Чарли Уаймен.

– За твоего чертова большого оленя, Джимми, – откликнулся Эй-Джей.

– За всех оленей, которых нам не удалось подстрелить, – добавил Джим и выпил.

– Лучше для мужчины нет!

– В это время года – лекарство от всех болезней.

– Ну как, парни, еще по одной?

– Твое здоровье, Эй-Джей.

– За оленей.

– За следующую охоту.

Джим пребывал в превосходном настроении. Ему нравился и вкус виски, и ощущения, которые возникали после пары стаканчиков. Он радовался возвращению домой, где все было: удобная кровать, горячая еда, кузница. Он выпил еще виски. К столу мужчины явились навеселе, но держали себя достойно. Лиз подала ужин, а потом села за стол вместе с остальными. Ужин был хороший. Мужчины сосредоточенно ели. После ужина они опять перешли в гостиную, а Лиз и миссис Смит убрали со стола. После миссис Смит ушла к себе на второй этаж, и Смит скоро вышел на кухню и тоже поднялся наверх. Джим и Чарли еще оставались в гостиной. Лиз сидела в кухне у плиты, делая вид, что читает, и думала о Джиме. Ей не хотелось ложиться спать, ведь она знала, что Джим пройдет через кухню, и ждала, чтобы увидеть его снова.

Она непрерывно думала о Джиме, и тут он вышел на кухню. Глаза у него сияли, волосы слегка взлохматились. Лиз уставилась в книгу. Джим подошел к ее стулу сзади и остановился. Она слышала его дыхание, а потом он обнял ее. Груды Лиз напряглись и набухли, и соски

отвердели под его пальцами. Лиз очень испугалась, ведь до сих пор никто к ней не притрагивался, но подумала: «Все-таки он пришел ко мне. Все-таки пришел».

Сердце ее сжималось от страха, и она не знала, что делать, а потом Джим крепко прижал ее к спинке стула и поцеловал. Ощущения были такие острые, жгучие, болезненные, что казалось – она этого не выдержит. Ощущать Джима за спиной было невыносимо, но потом внутри что-то шелкнуло, по телу разлилось мягкое тепло. Джим крепко и больно прижимал ее к стулу, но теперь она сама хотела этого, и Джим шепнул: «Пойдем прогуляемся».

Лиз сняла с гвоздя пальто, и они вышли из дома. Они то и дело останавливались, и Джим целовал и обнимал ее. Луны не было видно, они шли лесом, увязая по щиколотку в песке, к пристани и складам на берегу. Вода плескалась о сваи, по ту сторону бухты темнел мыс. Ночь выдалась холодной, но Лиз вся пылала, потому что Джим был рядом. Они сели под стеной склада, и Джим привлек ее к себе. Она боялась. Одной рукой Джим расстегнул платье и гладил грудь, другая лежала у нее на коленях. Страх нарастал от незнания того, что он собирается делать, но Лиз придвинулась к нему ближе. Потом рука, тяжело лежавшая у нее на коленях, соскользнула и стала продвигаться выше.

– Не надо, Джим, – прошептала Лиз.

Рука двинулась дальше.

– Нельзя, Джим, нельзя. – Но Джим не слушал ее.

Она почувствовала под собой жесткие доски. Джим задрал ей платье и пытался что-то с ней сделать. Она боялась, но в то же время хотела этого.

– Нельзя этого делать, Джим. Нельзя.

– Нет, можно. Я хочу. Ты сама знаешь.

– Нет, Джим, не надо. Нельзя. Это нехорошо. Ой, это больно. Не смей! Ой, Джим. Джим. Ох.

Они лежали на жестких, шершавых и холодных досках пристани. Все тело затекло. Лиз попыталась столкнуть с себя спящего Джима, но не смогла. Кое-как выбравшись из-под него, она оправила юбку и пальто и наспех причесалась. Джим спал с приоткрытым ртом. Лиз наклонилась и поцеловала его в щеку. Он не проснулся. Она приподняла его голову и потрясла ее. Голова скатилась набок, он сглотнул слюну. Лиз заплакала. Подошла к краю пристани и посмотрела в воду. С поверхности поднимался туман. Лиз стало холодно и тоскливо, и она чувствовала, что все кончилось. Вернулась туда, где лежал Джим, и потрепала его за плечо. Она все плакала.

– Джим, – позвала она. – Джим. Ну, пожалуйста, Джим.

Джим пошевелился и свернулся поудобнее. Лиз сняла пальто и укрыла Джима, заботливо и аккуратно подоткнув со всех сторон. Потом пошла через пристань по крутой песчаной дороге домой, спать. Со стороны бухты между деревьями напознал холодный туман.

В наше время

*Эта книга с благодарностью посвящается
РОБЕРТУ МАКЭЛМОНУ И УИЛЬЯМУ БЕРДУ,
парижским издателям,
и
капитану ЭРИКУ ЭДВАРДУ ДОРМАНУ-СМИТУ,
кавалеру Военного креста,
Его Величества пятой стрелковой дивизии*

Глава первая

Все напились. Пьяная батарея продвигалась по дороге в темноте. Мы направлялись в Шампань. Лейтенант то и дело гнал коня в поле и твердил ему: «Я пьян, говорю тебе, *mon vieux*². Ох, как же я набрался». Всю ночь мы ехали по дороге в темноте, и адъютант, когда оказывался рядом с моей кухней, твердил: «Ты должен его погасить. Это опасно. Нас могут заметить». Мы находились в пятидесяти километрах от фронта, но адъютанта тревожил огонь в моей кухне. Забавным выдался тот марш-бросок. Случилось это, когда я был старшим по кухне.

Глава вторая

Первому матадору рог угодил в руку с мечом, и толпа, улюлюкая, прогнала его. Второй матадор поскользнулся, и бык рогом пропорол ему живот, и он схватился за рог одной рукой, а другой зажимал рану, и бык ударил его о стену, и рог вышел из раны, и он лежал на песке, а потом поднялся, шатаясь, словно пьяный, и сопротивлялся людям, уносившим его, и кричал, чтобы ему дали шпагу, но потерял сознание. Вышел мальчишка, и ему пришлось убивать пять быков, потому что больше трех матадоров не полагалось, и перед последним быком он уже так устал, что никак не мог направить шпагу. Он едва мог поднять руку. Он пытался прицелиться пять раз, и толпа молчала, потому что бык был хороший, и взять верх могли оба, и, наконец, он нанес удар. Потом сел на песок, и его вырвало, и его прикрыли плащом, а толпа ревела и швыряла на арену все, что попадалось под руку.

Глава третья

За топкой низиной виднелись сквозь дождь торчащие над Адрианополем минареты. Вереница телег растянулась на все тридцать миль дороги на Карагач. Волы и буйволы тащили их по непролазной грязи. Ни конца, ни начала. Только телеги, груженные скарбом. Старики и женщины, промокшие насквозь, шли рядом, подгоняя скотину. Марица, пожелтевшая, поднялась чуть ли не вровень с мостом. Телеги сплошь забили его, и верблюды, покачиваясь, двигались вместе с ними. Греческая кавалерия направляла колонну. На телегах среди матрацев, зеркал, швейных машин и узлов сидели женщины с детьми. Какая-то женщина рожала, и молоденькая девушка держала над ней одеяло и плакала. От одного взгляда на них становилось страшно. Дождь лил все время, пока продолжалась эвакуация.

² Страница (*фр.*).

Глава четвертая

Мы находились в каком-то саду в Монсе. Юный Бакли вернулся со своим патрулем с другого берега реки. Первый немец, которого я увидел, залезал на стену, которой был обнесен сад. Мы дождались, когда он перекинет ногу, а потом завалили его. Обвешанный амуницией, он выглядел очень удивленным и рухнул в сад. Еще трое перелезали через стену чуть дальше. Их мы тоже подстрелили. Они все свалились в сад.

Глава пятая

День выдался обжигающе жарким. Мы соорудили на мосту просто бесподобную баррикаду. Баррикада получилась что надо. Большая, старая кованая чугунная решетка, раньше стоявшая перед домом. Такая тяжелая, что с места не сдвинуть, и мы могли стрелять сквозь нее, и им пришлось бы на нее карабкаться. Потрясающая баррикада. Они попытались перебраться через нее, и мы расстреливали их с расстояния в сорок ярдов. Они бросались на нее, и потом офицеры пошли одни и попытались свалить. Мы построили идеальную, совершенную преграду. Их офицеры держались великолепно. Мы ужасно расстроились, когда стало известно, что они прорвали фланг и нам придется отступить.

Глава шестая

Шестерых министров правительства в половине седьмого утра расстреляли у стены больницы. Во дворе стояли лужи. Мокрые опавшие листья налипли на брусчатку двора. Лил дождь. Все ставни на окнах больницы были наглухо закрыты. Один министр болел тифом. Двое солдат снесли его вниз и под дождь. Они пытались поставить его у стены, но он сползал в лужу дождевой воды. Остальные пятеро спокойно стояли у стены. Наконец офицер сказал солдатам, что поднимать его на ноги – пустая затея. При первом залпе он сидел в луже, уронив голову на колени.

Глава седьмая

Ник сидел, привалившись к стене церкви, куда его притащили с улицы, чтобы укрыть от пулеметного огня. Ноги его неестественно торчали. Пулей задело позвоночник. Грязное лицо блестело от пота. Солнце светило в глаза. День выдался очень жарким. Ринальди, выставив широкую спину, ничком лежал у стены среди разбросанной амуници. Ник блестящими глазами смотрел прямо перед собой. Розовая стена дома напротив рухнула, отвалившись от крыши, и над улицей повисла искореженная железная кровать. В тени дома, на груде щебня, лежали два убитых австрийца. Другие убитые – дальше по улице. Бой в городе продолжался. Все шло хорошо. Санитары могли появиться в любой момент. Ник осторожно повернул голову и посмотрел вниз, на Ринальди. «Senta³, Ринальди, senta. Мы оба заключили сепаратный мир. – Ринальди неподвижно лежал под лучами солнца и тяжело дышал. – Мы с тобой не патриоты». Ник перевел взгляд на дом напротив, насилу улыбнувшись. Ринальди в собеседники не годился.

³ Послушай (*иск. шт.*).

Глава восьмая

Пока артиллерийские снаряды рвали в клочья окоп в Фоссальте, он лежал, прижимаясь к земле, потая, и молясь Иисусу Христу: «Дорогой Иисус, пожалуйста, вытащи меня отсюда. Христос, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Христос. Если ты убережешь меня от того, что меня убьют, я сделаю все, как ты велишь. Я верю в тебя и скажу всем и каждому на этом свете, что ты единственный, в кого нужно верить. Пожалуйста, пожалуйста, дорогой Иисус». Артподготовка сместилась в глубину. Мы начали восстанавливать окоп, и утром взошло солнце, и день выдался теплым, и светлым, и спокойным. Следующим вечером, вернувшись в Местре, он ничего не сказал об Иисусе той девушке, с которой поднялся наверх в «Вилла Росса». И никогда никому не говорил.

Глава девятая

В два часа ночи двое венгров забрались в табачную лавку на углу Пятнадцатой улицы и Гранд-авеню. Древитс и Бойл приехали туда в «форде» из полицейского участка на Пятнадцатой улице. Грузовик венгров как раз выезжал задним ходом из проулка. Бойл застрелил сначала сидевшего в кабине, потом – того, который был в грузовике. Древитс испугался, когда увидел, что они убиты наповал.

– Черт, Джимми, – вырвалось у него. – Что же ты наделал! Из-за них теперь такой шум поднимется!

– Они же воры, так? – спросил Бойл. – Они итальяшки, так? Кто будет поднимать из-за них шум?

– Ну, может, на этот раз сойдет, – согласился Древитс, – но откуда ты знал, что они итальяшки, когда стрелял в них?

– Они итальяшки, – уверенно заявил Бойл. – Я итальяшек за милую душу.

Глава десятая

Одним жарким вечером в Милане они вынесли его на крышу, откуда он мог смотреть вдаль, поверх крыш городских домов. В небе летали печные иглохвосты. Скоро стемнело, и зажглись прожекторы. Остальные ушли вниз и несли с собой бутылки. Он и Эг слышали их голоса внизу, на балконе. Эг присела на кровать, свежую и прохладную в жаркой ночи.

Эг уже три месяца дежурила по ночам. В этом ей охотно шли навстречу. Она сама готовила его к операции; и они придумали веселую шутку насчет подружки и кружки. Когда ему давали наркоз, он старался максимально долго не потерять контроля над собой, чтобы не наговорить лишнего в бреду. Как только ему разрешили передвигаться на костылях, он принялся сам разносить термометры, чтобы Эг могла не вставать с его кровати. Раненых было мало, и они знали обо всех. И все любили Эг. На обратном пути, проходя по коридору, он думал о том, что Эг лежит в его постели.

Когда пришло время возвращаться на фронт, они пошли в Duomo⁴ и помолились. В тишине и сумраке. Кроме них были и другие молящиеся. Они хотели пожениться, но времени для публичного оглашения предстоящего бракосочетания было слишком мало, и потом, у них не было свидетельств о рождении. Они чувствовали себя мужем и женой, и им хотелось, чтобы все знали об этом, но утратить того крепко их связывающего чувства не хотели.

⁴ Собор (ит.).

Эг писала ему много писем, но получил он их только после перемирия, на фронте. Все пятнадцать, разложил по числам и разом прочел. В них она рассказывала о госпитале и о том, как сильно она его любит, и жить без него не может, и как тоскует по ночам.

После перемирия они решили, что он поедет домой и будет искать работу, чтобы они могли пожениться. Эг не собиралась возвращаться до тех пор, пока он не получит хорошую работу и сможет встретить ее в Нью-Йорке. Это означало, что он не должен пить, не будет встречаться ни с кем из своих приятелей и вообще ни с кем в Штатах. Прежде всего – найти работу и пожениться.

В поезде из Падуи в Милан они поссорились из-за того, что она не хотела сразу же ехать домой. На Миланском вокзале, когда пришло время прощаться, они поцеловались, но ссора еще не забылась. Его огорчало, что они так нехорошо расстались.

В Америку он отплыл из Генуи. Эг поехала в Торре-ди-Моста, где открывался новый госпиталь. Там ее встретили дождь и одиночество, и в городе квартировал батальон *arditi*⁵. Коротая зиму в этом грязном, дождливом городишке, майор батальона стал ухаживать за Эг. Раньше у нее не было знакомых итальянцев, и, в конце концов, она написала в Штаты, что их любовь была всего лишь детским увлечением. Она была огорчена, что он, вероятно, не поймет ее, но, быть может, когда-нибудь простит и будет ей благодарен, а теперь она совершенно неожиданно для себя собирается весной выйти замуж. Она по-прежнему любит его, но ей теперь ясно, что это только детская любовь. Она надеется, что его ждет отличная карьера, и абсолютно верит в него. Она знает, что все это к лучшему.

Майор не женился на ней ни весной, ни позже. Из Чикаго Эг так и не получила ответа на свое письмо. А он вскоре заразился гонореей от продавщицы из «Фэр»⁶, катаясь в такси по Линкольн-парку.

Глава одиннадцатая

В 1919 году он путешествовал по железным дорогам Италии с квадратным куском клеенки из штаб-квартиры партии, исписанным химическим карандашом. Там указывалось, что он – товарищ, сильно пострадавший от белых в Будапеште⁷, и предлагалось всем товарищам оказывать ему всемерное содействие. Этот кусок клеенки он использовал вместо железнодорожного билета. Очень застенчивого, совсем юного, проводники передавали его из одной бригады в другую. Денег у него не было, поэтому кормили его из-под прилавка станционных буфетов.

В Италии ему нравилось. Прекрасная страна, говорил он. И люди такие добрые. Он побывал во многих городах, неустанно бродил везде, смотрел картины. Покупал репродукции Джотто, Мазаччо и Пьеро делла Франчески и носил их завернутыми в номер «Аванти»⁸. Мантенью⁹ не любил.

В Болонье он прибыл в местную организацию, и я взял его с собой в Романью, куда мне требовалось поехать, чтобы свидеться с одним человеком. Поездка удалась. Стоял сентябрь, погода, как обычно, радовала. Он был венгром, очень милым и очень застенчивым. Хортисты¹⁰

⁵ Храбрецы (*ит.*).

⁶ «Фэр/Fair Store» – известный в Чикаго универмаг-дискаунтер. Открылся в 1874 г.

⁷ Венгерская советская республика просуществовала с 21 марта по 1 августа 1919 г.

⁸ «Аванти / *Avanti*» – итальянская газета, издается с 25 декабря 1896 г. Изначально создавалась как центральный орган Итальянской объединенной социалистической партии. В 1912–1914 гг. главным редактором газеты являлся Бенито Муссолини.

⁹ Мантенья, Андреа / *Andrea Mantegna* (ок.1431–1506) – художник, в отличие от большинства других классиков итальянского Ренессанса, писал в жесткой и резкой манере.

¹⁰ Хорти, Миклош / *Horthy, Miklós* (1868–1957), – правитель (регент) Венгерского королевства в 1920–1944 гг., адмирал.

обошлись с ним крайне жестоко. Говорил он об этом мало. Несмотря на случившееся в Венгрии, свято верил в мировую революцию.

– Как обстоят дела с движением в Италии? – спросил он.

– Очень плохо, – ответил я.

– Но все изменится к лучшему, – улыбнулся он. – У вас есть все для этого. Это единственная страна, в которой можно быть уверенным. Здесь будет отправная точка.

На это я ничего не ответил.

В Болонье мы попрощались. Он поехал на поезде в Милан, а потом в Аосту, чтобы через перевал попасть в Швейцарию. Я рассказал ему о работах Мантеньи, которые можно посмотреть в Милане. «Нет», – ответил он смущенно, он не любил Мантенью. Я написал ему, где в Милане можно поесть, и дал адреса товарищей. Он тепло меня поблагодарил, но в мыслях уже шагал через перевал. Очень хотел миновать его, пока стояла хорошая погода. Последнее, что я слышал о нем, меня не обрадовало: швейцарцы посадили его в тюрьму под Сьоном.

Глава двенадцатая

Белого коня хлестали по ногам, пока он не поднялся на колени. Пикадор расправил стремена, подтянул подпругу и вскочил в седло. Внутренности коня висели синеватым клубком и болтались взад и вперед, когда он пустился вскачь, подгоняемый monos¹¹, которые били его сзади по ногам прутьями. Судорожным галопом он проскакал вдоль стены. Потом резко остановился, и один из топо взял его под уздцы и повел вперед. Пикадор вонзил шпоры, пригнулся и погрозил быку пикой. Кровь была из раны между передними ногами коня. Он дрожал и шатался. Бык никак не мог решить, стоит ли ему нападать.

Глава тринадцатая

Толпа все время кричала и бросала на арену корки хлеба, а потом подушки и кожаные фляжки, не переставая свистеть и улюлюкать. В конце концов бык устал от стольких неточных ударов, подогнул колени и лег на песок, и один из cuadrilla¹² склонился над ним и убил его ударом puntillo¹³. Толпа бросилась через ограду и окружила матадора, и два человека схватили его и держали, и кто-то отрезал ему косичку и размахивал ею, а потом один из мальчишек схватил ее и убежал. Потом я видел матадора в кафе. Маленького роста, смуглолицего и изрядно пьяного. Он говорил: «В конце концов, такое не раз случалось. Если на то пошло, я не такой хороший тореро».

Глава четырнадцатая

Если это происходило близко от ограды и прямо напротив вас, вы хорошо видели, как Вильялта дразнит и клянет быка, и когда тот кидался, Вильялта, не трогаясь с места, отклонился назад, точно дуб при порыве ветра, плотно сдвинув ноги, низко опустив мулету, и шпага пряталась за ней, повторяя ее движения. Потом он клял быка, хлопал перед ним мулетой и снова, когда бык кидался, не трогаясь с места, поднимал мулету и, отклонившись назад, описывал ею дугу, и каждый раз толпа ревела от восторга.

Разгромил Венгерскую советскую республику.

¹¹ Помощники матадора (*исп.*).

¹² В корриде команда матадора, члены которой помогают ему во время боя быков (*исп.*).

¹³ Кинжал, которым приканчивают быка (*исп.*).

Когда наступало время для завершающего удара, все происходило в одно мгновение. Разъяренный бык, стоя прямо против Вильялта, не спускал с него глаз. Вильялта одним движением выхватывал шпагу из складок мулеты и, нацелив ее, кричал быку: «Торо! Торо!» – и бык кидался, и Вильялта кидался, и на один миг они становились одним целым. Вильялта сливался с быком, и на том все заканчивалось. Вильялта опять стоял прямо, и красная рукоятка шпаги торчала между плечами быка. Вильялта поднимал руку, приветствуя толпу, а бык ревел, захлебываясь кровью, глядя прямо на Вильялту, и ноги его подкашивались.

Глава пятнадцатая

Я услышал приближающийся бой барабанов, который доносился с улицы, а потом рожки и дудки, а потом они повалили из-за угла, и все плясали, запрудив всю улицу. Маэра увидел его, а потом и я. Когда музыка умолкла и танцоры присели на корточки, он присел вместе со всеми, а когда музыка снова заиграла, он подпрыгнул и пошел, приплясывая, вместе с ними по улице. Понятно, что пьяный.

Спустись ты к нему, предложил Маэра, меня он ненавидит.

Я спустился вниз, и нагнал их, и схватил его за плечо, пока он сидел на корточках, дожидаясь, когда музыка зазвучит вновь, чтобы вскочить, и сказал: идем, Луис. Побойся бога, тебе сегодня выходить на арену. Он не слушал меня. Он все слушал, не заиграет ли музыка.

Я настаивал: не валяй дурака, Луис. Идем в отель.

Тут музыка снова заиграла, и он подпрыгнул, увернулся от меня и пустился в пляс. Я схватил его за руку, а он вырвался и крикнул: да оставь ты меня в покое. Нашелся папаша.

Я вернулся в отель, а Маэра стоял на балконе и смотрел, веду я его или нет. Увидев меня, он вошел в комнату и спустился вниз взбешенный.

В сущности, сказал я, он просто неотесанный мексиканский дикарь.

Да, согласился Маэра, а кто будет убивать его быков, после того как его поднимут на рога?

Мы, надо полагать, ответил я.

Да, мы, кивнул Маэра. Мы будем убивать быков за них, и за дикарей, и за пьяниц, и за танцоров. Да. Мы будем их убивать. Конечно, мы будем их убивать. Да. Да. Да.

Глава шестнадцатая

Маэра лежал неподвижно, уткнувшись лицом в песок, закрыв голову руками. От крови под ним все стало теплым и липким. Он всякий раз чувствовал приближение рога. Иногда бык только толкал его головой. Однажды рог прошел сквозь его тело и воткнулся в песок. Кто-то схватил быка за хвост. Все кричали на быка и махали плащом перед его мордой. Потом бык исчез. Какие-то люди подняли Маэру и бегом пронесли его по арене к ограде, потом через ворота, кругом по проходу под трибунами, в лазарет. Маэру положили на койку, и кто-то пошел за доктором. Остальные столпились возле койки. Доктор прибежал прямо из коралля, где зашивал животы лошадям пикадоров. Ему пришлось сперва вымыть руки. Сверху, с трибун, доносился рев толпы. Маэра почувствовал, что все вокруг увеличивается и увеличивается, а потом уменьшается и уменьшается. Потом опять увеличивается, увеличивается и увеличивается, и снова уменьшается и уменьшается. Вдруг все побежало мимо, быстрее и быстрее, – как при перемотке киноплёнки. И он умер.

Глава семнадцатая

Сэма Кардинелью повесили в шесть часов утра в коридоре окружной тюрьмы. Высоком и узком, с камерами по обе стороны. И ни одна не пустовала. Осужденных привезли сюда, чтобы повесить. Пятеро приговоренных к повешению находились в первых пяти камерах. Среди них – трое негров. Они очень боялись. Один белый сидел на койке, опустив голову на руки. Другой лежал, вытянувшись на койке, закутав голову в одеяло.

К виселице они вышли через дверь в стене. Шестеро или семеро, считая обоих священников. Сэма Кардинелью пришлось нести. В таком состоянии он пребывал с четырех часов утра.

Когда ему связывали ноги, два надзирателя поддерживали его, а оба священника что-то шептали ему на ухо.

– Будь мужчиной, сын мой, – говорил один.

Когда к нему подошли, чтобы надеть ему на голову капюшон, у Сэма Кардинельи началось недержание кала. Надзиратели с отвращением бросили его.

– Как насчет стула, Билл? – спросил один из надзирателей.

– Лучше принести, – ответил какой-то человек в котелке.

Когда все отступили за спускной люк, очень тяжелый, из дуба и стали, который откидывался, поворачиваясь на шарикоподшипниках, на нем остался Сэм Кардинелья, сидевший на стуле, крепко связанный: младший из священников стоял рядом с ним на коленях. Он отпрыгнул на помост в самую последнюю секунду перед тем, как откинули люк.

Глава восемнадцатая

Король работал в саду. Казалось, он очень мне обрадовался. Мы прошли по саду. Вот королева, указал он. Королева подрезала розовый куст. Добрый день, поздоровалась она. Мы сели за стол под большим деревом, и король велел принести виски и содовой. Хороший виски у нас пока еще есть, признался мне король. Сказал, что революционный комитет не разрешает ему покидать территорию дворца. Пластирас¹⁴, по-видимому, порядочный человек, отметил король, но ладить с ним нелегко. Я думаю, он правильно сделал, расстреляв этих молодцов. Если бы Керенский расстрелял кое-кого, все могло пойти совсем по-другому. Конечно, в таких делах самое главное – чтобы тебя самого не расстреляли!

Мы очень весело провели время. Долго разговаривали. Как все греки, король хотел попасть в Америку.

¹⁴ Пластирас, Николаос (1883–1953) – военный и политический деятель Греции, генерал. После поражения Греции в войне с Турцией вместе с другими офицерами устроил переворот против короля Греции Константина I и его правительства.

В наше время (1925 и 1930)

Посвящается ХЭДЛИ РИЧАРДСОН ХЕМИНГУЭЙ

Девушка в Чикаго: «Расскажи нам о французских эсеницах, Хэнк. Какие они?»

Билл Смит: «Сколько лет французским эсеницам, Хэнк?»

В порту Смирны

Очень удивительно, сказал он, что кричат они всегда в полночь. Не знаю, почему они кричали именно в этот час. Мы были в гавани, а они все на молу, и в полночь они начинали кричать. Чтобы успокоить их, мы наводили на них прожектор. Это действовало без отказа. Мы два раза освещали мол из конца в конец, и они утихали.

Однажды, когда я был начальником команды, работавшей на молу, ко мне подошел турецкий офицер и, задыхаясь от ярости, заявил, что наш матрос нагло оскорбил его. Я заверил его, что матрос будет отправлен на борт и строго наказан. Я попросил указать мне виновного. Он указал на одного безобиднейшего парня из орудийного расчета. Повторил, что тот нагло оскорбил его, и не единожды, а много раз; говорил же он со мной через переводчика. Мне не верилось, что матрос мог так хорошо знать турецкий язык, чтобы сказать что-нибудь оскорбительное. Я вызвал его и сказал:

– Это на случай, если ты разговаривал с кем-нибудь из турецких офицеров.

– Я ни с одним из них не разговаривал, сэр.

– Не сомневаюсь, – сказал я, – но ты все-таки ступай на корабль и до завтра не сходи на берег.

Потом я сообщил турку, что матрос отправлен на корабль, где его ждет суровое наказание. Можно сказать – жестокое. Он чрезвычайно обрадовался, и мы дружески разговорились. Хуже всего, сказал он, – это женщины с мертвыми детьми.

Невозможно было уговорить женщин отдать своих мертвых детей. Иногда они держали их на руках по шесть дней. Ни за что не отдавали. Мы ничего не могли поделать. Приходилось в конце концов отнимать их. И еще я видел старуху – необыкновенно странный случай. Я говорил о нем одному врачу, и он сказал, что я это выдумал. Мы очищали мол, и нужно было убрать мертвых, а старуха лежала на каких-то самодельных носилках. Мне сказали: «Хотите посмотреть на нее, сэр?» Я посмотрел, и в ту же минуту она умерла и сразу окоченела. Ноги ее согнулись, туловище приподнялось, и так она и застыла. Как будто с вечера лежала мертвая. Она была совсем мертвая и негнущаяся. Когда я рассказал доктору про старуху, он заявил, что этого быть не может.

Все они теснились на молу, но не так, как бывает во время землетрясения или в подобных случаях, потому что они не знали, что придумает старый турок. Они не знали, что он может сделать. Помню, как нам запретили входить в гавань для очистки мола от трупов. В то утро у входа в гавань мне было очень страшно. Орудий у него хватало, и ему ничего не стоило выкинуть нас вон. Мы решили войти, подтянуться вплотную к молу, бросить оба якоря и открыть огонь по турецкой части города. Они выкинули бы нас вон, но мы разнесли бы город. Когда мы вошли в гавань, они обстреляли нас холостыми зарядами. Кемаль прибыл в порт и сместил

турецкого коменданта. За превышение власти или что-то в этом духе. Слишком много взял на себя. Могла бы выйти прескверная история.

Трудно забыть набережную Смирны. Чего только не плавало в ее водах! Впервые в жизни я дошел до того, что такое снилось мне по ночам.

Рожавшие женщины – это было не так страшно, как женщины с мертвыми детьми. А рожали многие. Удивительно, что так мало из них умерло. Их просто накрывали чем-нибудь и оставляли. Они всегда забирались в самый темный угол трюма и там рожали. Как только их уводили с мола, они уже ничего не боялись.

Греки тоже оказались милейшими людьми. Когда они уходили из Смирны, они не могли увезти с собой своих вьючных животных, поэтому они просто перебили им передние ноги и столкнули с пристани в мелкую воду. И все мулы с перебитыми ногами барахтались в мелкой воде. Веселое получилось зрелище. Куда уж веселей.

Глава первая Индийский поселок

Все были пьяны. Пьяна была вся батарея, в темноте двигавшаяся по дороге. Мы двигались по направлению к Шампани. Лейтенант то и дело сворачивал с дороги в поле и говорил своей лошади: «Я пьян, топ vieux¹⁵, я здорово пьян. Ох! Ну и накачался же я». Мы шли в темноте по дороге всю ночь, и адъютант то и дело подъезжал к моей кухне и твердил: «Затуши огонь. Опасно. Нас заметят». Мы находились в пятидесяти километрах от фронта, но адъютанту не давал покоя огонь моей кухни. Чудно было идти по этой дороге. Я в то время был старшим по кухне.

На озере у берега была причалена чужая лодка. Возле стояли два индейца, ожидая.

Ник с отцом перешли на корму, индейцы оттолкнули лодку, и один из них сел на весла. Дядя Джордж сел на корму другой лодки. Молодой индеец столкнул ее в воду и тоже сел на весла.

Обе лодки отплыли в темноте. Ник слышал скрип уключин другой лодки далеко впереди, в тумане. Индейцы гребли короткими, резкими рывками. Ник прислонился к отцу, тот обнял его за плечи. На воде было холодно. Индеец греб изо всех сил, но другая лодка все время шла впереди в тумане.

– Куда мы едем, папа? – спросил Ник.

– На ту сторону, в индийский поселок. Там одна индианка тяжело больна.

– А... – сказал Ник.

Когда они добрались, другая лодка была уже на берегу. Дядя Джордж в темноте курил сигару. Молодой индеец вытащил их лодку на песок. Дядя Джордж дал обоим индейцам по сигаре.

От берега они пошли лугом по траве, насквозь промокшей от росы; впереди молодой индеец нес фонарь. Затем вошли в лес и по тропинке выбрались на дорогу, уходившую вдаль, к холмам. На дороге было гораздо светлей, так как по обе стороны деревья были вырублены. Молодой индеец остановился и погасил фонарь, и они пошли дальше по дороге.

За поворотом на них с лаем выбежала собака. Впереди светились огни лачуг, где жили индейцы-корьевщики. Еще несколько собак кинулись на них. Индейцы прогнали собак назад, к лачугам.

В окне ближней лачуги светился огонь. В дверях стояла старуха, держа лампу. Внутри на деревянных нарах лежала молодая индианка. Она мучилась родами уже третьи сутки. Все старухи поселка собрались возле нее. Мужчины ушли подальше; они сидели и курили в темноте на дороге, где не было слышно ее криков. Она опять начала кричать, как раз в ту минуту, когда оба индейца и Ник вслед за отцом и дядей Джорджем вошли в барак. Она лежала на нижних нарах, живот ее горой поднимался под одеялом. Голова была повернута набок. На верхних нарах лежал ее муж. Три дня тому назад он сильно поранил ногу топором. Он курил трубку. В лачуге очень дурно пахло.

Отец Ника велел поставить воды на очаг и, пока она нагревалась, говорил с Ником.

– Видишь ли, Ник, – сказал он, – у этой женщины должен родиться ребенок.

– Я знаю, – сказал Ник.

– Ничего ты не знаешь, – сказал отец. – Слушай, что тебе говорят. То, что с ней сейчас происходит, называется родовые схватки. Ребенок хочет родиться, и она хочет, чтобы он

¹⁵ Старина (фр.).

родился. Все ее мышцы напрягаются для того, чтобы помочь ему родиться. Вот что происходит, когда она кричит.

– Понимаю, – сказал Ник.

В эту минуту женщина опять закричала.

– Ох, папа, – сказал Ник, – разве ты не можешь ей дать чего-нибудь, чтобы она не кричала?

– Со мной нет анестезирующих средств, – ответил отец. – Но ее крики не имеют значения. Я не слышу ее криков, потому что они не имеют значения.

На верхних нарах муж индианки повернулся лицом к стене. Другая женщина в кухне знаком показала доктору, что вода вскипела. Отец Ника прошел на кухню и половину воды из большого котла отлил в таз. В котел он положил какие-то инструменты, которые принес с собой завернутыми в носовой платок.

– Это должно прокипеть, – сказал он и, опустив руки в таз, стал тереть их мылом, принесенным с собой из лагеря.

Ник смотрел, как отец трет мылом то одну, то другую руку. Прodelывая это с большим старанием, отец одновременно говорил с Ником.

– Видишь ли, Ник, ребенку полагается идти головой вперед, но это не всегда так бывает. Когда это не так, он всем доставляет массу хлопот. Может быть, понадобится операция. Сейчас увидим.

Когда он убедился, что руки вымыты чисто, он прошел обратно в комнату и приступил к делу.

– Отверни одеяло, Джордж, – сказал он, – я не хочу к нему прикасаться.

Позже, когда началась операция, дядя Джордж и трое индейцев держали женщину. Она укусила дядю Джорджа за руку, и он сказал: «Ах, сукина дочь!» – и молодой индеец, который вез его через озеро, засмеялся. Ник держал таз. Все это тянулось очень долго.

Отец Ника подхватил ребенка, шлепнул его, чтобы вызвать дыхание, и передал старухе.

– Видишь, Ник, это мальчик, – сказал он. – Ну, как тебе нравится быть моим ассистентом?

– Ничего, – сказал Ник. Он смотрел в сторону, чтобы не видеть, что делает отец.

– Так. Ну, теперь все, – сказал отец и бросил что-то в таз.

Ник не смотрел туда.

– Ну, – сказал отец, – теперь только наложить швы. Можешь смотреть, Ник, или нет, как хочешь. Я сейчас буду зашивать разрез.

Ник не стал смотреть. Всякое любопытство у него давно пропало.

Отец кончил и выпрямился. Дядя Джордж и индейцы тоже поднялись. Ник отнес таз на кухню.

Дядя Джордж посмотрел на свою руку. Молодой индеец усмехнулся.

– Сейчас я тебе промою перекистью, Джордж, – сказал доктор.

Он наклонился над индианкой. Она теперь лежала совсем спокойно, с закрытыми глазами. Она была очень бледна. Она не сознавала ни что с ее ребенком, ни что делается вокруг.

– Я приеду завтра, – сказал доктор. – Сиделка из Сент-Игнеса, наверно, будет здесь в полдень и привезет все, что нужно.

Он был возбужден и разговорчив, как футболист после удачного матча.

– Вот случай, о котором стоит написать в медицинский журнал, Джордж, – сказал он. – Кесарево сечение при помощи складного ножа и швы из девятифутовой вяленой жилы.

Дядя Джордж стоял, прислонившись к стене, и разглядывал свою руку.

– Ну еще бы, ты у нас знаменитый хирург, – сказал он.

– Надо взглянуть на счастливого отца. Им, пожалуй, всех хуже приходится при этих маленьких семейных событиях, – сказал отец Ника. – Хотя, должен сказать, он это перенес на редкость спокойно.

Он откинул одеяло с головы индейца. Рука его попала во что-то мокрое. Он стал на край нижней койки, держа в руках лампу, и заглянул наверх. Индеец лежал лицом к стене. Горло у него было перерезано от уха до уха. Кровь лужей собралась в том месте, где доски прогнулись под тяжестью его тела. Голова его лежала на левой руке. Открытая бритва, лезвием вверх, валялась среди одеял.

– Уведи Ника, Джордж, – сказал доктор.

Но он поздно спохватился. Нику от дверей кухни отлично были видны верхняя койка и жест отца, когда тот, держа в руках лампу, повернул голову индейца.

Начинало светать, когда они шли обратно по дороге к озеру.

– Никогда себе не прощу, что взял тебя с собой, Ник, – сказал отец. Все его недавнее возбуждение прошло. – Надо ж было случиться такой истории.

– Что, женщинам всегда так трудно, когда у них рождаются дети? – спросил Ник.

– Нет, это был совершенно исключительный случай.

– Почему он убил себя, папа?

– Не знаю, Ник. Не мог вынести, должно быть.

– А часто мужчины себя убивают?

– Нет, Ник. Не очень.

– А женщины?

– Еще реже.

– Никогда?

– Ну, иногда случается.

– Папа!

– Да?

– Куда пошел дядя Джордж?

– Он сейчас придет.

– Трудно умирать, папа?

– Нет. Я думаю, это совсем нетрудно, Ник. Все зависит от обстоятельств.

Они сидели в лодке: Ник – на корме, отец – на веслах. Солнце вставало над холмами. Плеснулся окунь, и по воде пошли круги. Ник опустил руку в воду. В резком холоде утра вода казалась теплой.

В этот ранний час на озере, в лодке, возле отца, сидевшего на веслах, Ник был совершенно уверен, что никогда не умрет.

Глава вторая

Доктор и его жена

За топкой низиной виднелись сквозь дождь минареты Адрианополя. Дорога на Карачаг была на тридцать миль забита повозками. Волы и буйволы тащили их по непролазной грязи. Ни конца, ни начала. Одни повозки, груженные всяким скарбом. Старики и женщины, промокшие до костей, шли вдоль дороги, подгоняя скотину. Марица неслась, желтая, почти вровень с мостом. Мост был сплошь забит повозками, и верблюды, покачиваясь, пробирались между ними. Поток беженцев направляла греческая кавалерия. В повозках среди узлов, матрацев, зеркал, швейных машин ютились женщины с детьми. У одной начались роды, и сидевшая рядом с ней девушка прикрывала ее одеялом и плакала. Ей было страшно смотреть на это. Во время эвакуации не переставая лил дождь.

Дик Болтон явился из индейского лагеря, чтобы распилить бревна для отца Ника. Он привел с собой сына Эдди и еще одного индейца по имени Билли Тэбешо. Они пришли из леса, через заднюю калитку. Эдди нес длинную поперечную пилу, и она с мелодичным звуком хлопала его по плечу. Билли Тэбешо тащил два больших багра. Дик нес под мышкой три топора.

Дик задержался, чтобы прикрыть калитку. Остальные сразу направились на берег озера, где лежали занесенные песком бревна.

Они отбились от больших бонов, которые буксировал на лесопильню пароход «Мэджик». Бревна вынесло на берег, и если оставить их лежать, рано или поздно команда «Мэджика» приплывет на гребной шлюпке, заметит бревна, загонит в каждое по железному костылю с кольцом и вытащит их на середину озера, чтобы собрать новый бон. Однако лесорубы могут и не появиться, ведь несколько бревен не стоят денег, которые нужно заплатить команде. И если никто не придет, бревна превратятся в топляк и сгниют на песке.

Отец Ника считал, что так и будет, а потому нанял индейцев, чтобы те распилили бревна поперечной пилой и накололи поленьев для камина. Дик Болтон миновал дом и спустился к озеру. На берегу лежали четыре больших буковых бревна, почти полностью занесенные песком. Эдди повесил пилу в развилку дерева. Дик положил топоры на небольшую пристань. Он был полукровкой, и многие местные фермеры считали его белым. Он был очень ленив, но если брался за дело, трудился на совесть. Дик достал из кармана плитку табака, откусил кусок и заговорил на оджибве с Эдди и Билли Тэбешо.

Индейцы воткнули крючья багров в одно из бревен и раскачали его, чтобы высвободить из песка. Потом навалились на рукоятки. Бревно сдвинулось. Дик посмотрел на отца Ника и сказал:

– Отличную древесину ты своровал, док.

– Не надо так говорить, Дик, – возразил доктор. – Это плавник.

Эдди и Билли Тэбешо высвободили бревно из мокрого песка и откатали к воде.

– Толкайте в воду! – крикнул им Дик Болтон.

– Зачем это? – спросил доктор.

– Нужно его отмыть. Песок мешает пилить. И я хочу поглядеть, чье оно, – ответил Дик. Бревно покачивалось на воде. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, потев на солнце. Дик опустился на колени, изучил отпечаток молотка сортировщика на конце бревна.

– Оно принадлежит Уайту и МакНэлли, – объявил он, поднимаясь и отряхивая брюки.

Доктор явно чувствовал себя неловко.

– Значит, не стоит его пилить, Дик, – бросил он.

– Не сердись, док, – сказал Дик. – Не сердись. Мне плевать, у кого ты их украл. Это не мое дело.

– Если ты думаешь, что бревна краденые, оставь их в покое и убирайся обратно в лагерь, – рявкнул доктор. Его лицо покраснело.

– Не кипятись, док, – сказал Дик и сплюнул табачным соком на бревно. Слюна стекла в воду, расплылась. – Ты сам прекрасно знаешь, что они краденые. Мне все равно.

– Ну ладно. Раз ты думаешь, что бревна краденые, забирай свои вещи и проваливай.

– Послушай, док...

– Забирай вещи и проваливай.

– Док.

– Еще раз назовешь меня доком, и я вколочу твои зубы тебе в глотку.

– Это вряд ли, док.

Дик Болтон посмотрел на доктора. Дик был крупным парнем и знал это. Ему нравилось драться. Он наслаждался ссорой. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, и глядели на доктора. Доктор пожевал бороду на нижней губе, посмотрел на Дика Болтона. Потом развернулся и зашагал к дому на холме. Спина доктора буквально дрожала от ярости. Индейцы провожали его взглядом, пока он не скрылся в доме.

Дик сказал что-то на оджибве. Эдди рассмеялся, но Билли Тэбешо был очень серьезен. Он не понимал по-английски, однако потел все время, пока шла перепалка. Билли Тэбешо был толстым, с жиденькими, как у китайца, усиками. Он взял багры, Дик захватил топоры, а Эдди снял с дерева пилу. Они прошли мимо дома и вышли через заднюю калитку. Дик оставил калитку распахнутой. Билли Тэбешо вернулся и притворил ее. Индейцы скрылись в лесу.

Доктор сидел на постели в своей комнате и смотрел на стопку медицинских журналов, лежавших на полу возле конторки. Журналы были в упаковке. Это злило доктора.

– Ты не собираешься вернуться к работе, дорогой? – спросила жена доктора, которая лежала в комнате с закрытыми жалюзи.

– Нет!

– Что-то стряслось?

– Я поругался с Диком Болтоном.

– О. Надеюсь, ты не вышел из себя, Генри?

– Нет, – ответил доктор.

– Помни, что владеющий собою лучше завоевателя города¹⁶, – сказала его жена. Она изучала христианство. На столике возле ее кровати лежали Библия, книга «Наука и здоровье» и брошюра «Христианская наука».

Доктор промолчал. Он сидел на постели и чистил дробовик. Заполнил магазин тяжелыми желтыми патронами, потом разрядил оружие. Патроны рассыпались по одеялу.

– Генри, – позвала жена. Немного подождала. – Генри!

– Да, – откликнулся доктор.

– Ты ведь не сказал Болтону ничего обидного?

– Нет.

– А из-за чего вышла ссора?

– Из-за ерунды.

– Пожалуйста, скажи, Генри. Не пытайся ничего от меня скрыть. Из-за чего вышла ссора?

– Дик должен мне кучу денег, потому что я вылечил его скво от пневмонии. Думаю, он затеял ссору, чтобы не отрабатывать их.

Его жена молчала. Доктор тщательно вытер дробовик ветошью. Снова заполнил магазин патронами. И сидел, держа дробовик на коленях. Он очень любил его. Потом жена сказала из темной комнаты:

– Дорогой, я не верю, действительно не верю, что кто-то способен на такой поступок.

¹⁶ Притч. 16:32.

– Да? – спросил доктор.

– Да. Я не могу поверить, что кто-то может поступить так осознанно.

Доктор поднялся и поставил дробовик в угол за комодом.

– Ты уходишь, дорогой? – сказала жена.

– Пройдусь, пожалуй, – ответил доктор.

– Если встретишь Ника, передай, что его хотела видеть мама, – попросила она.

Доктор вышел на крыльцо, хлопнув сетчатой дверью. Услышал, как ахнула жена.

– Прости, – сказал он под ее окном с закрытыми жалюзи.

– Все в порядке, дорогой, – ответила она.

Под палящим солнцем он вышел за калитку и по тропинке углубился в тсуговый лес. Даже в жаркий день там было прохладно. Он нашел Ника, который сидел, прислонившись к дереву, и читал книгу.

– Мать хочет видеть тебя, – сказал доктор.

– Я хочу пойти с тобой, – ответил Ник.

Отец посмотрел на него.

– Ладно, пошли, – сказал он. – Дай мне книгу, я положу ее в карман.

– Папа, я знаю, где живут черные белки, – сообщил Ник.

– Что ж, – ответил отец, – пойдем посмотрим.

Глава третья

Что-то кончилось

Мы попали в какой-то сад в Монсе. Бакли вернулся со своим патрулем с того берега реки. Первый немец, которого мне пришлось увидеть, перелезал через садовую ограду. Мы дождались, когда он перекинет ногу по нашу сторону, и ухлопали его. На нем была пропасть всякой амуниции. Он разинул рот от удивления и свалился в сад. Потом через ограду в другом месте стали перелезать еще трое. Мы их тоже подстрелили. Они все так появлялись.

В прежние времена Хортонс-Бей был городком при лесопильном заводе. Жителей его всюду настигал звук больших пил, визжавших на берегу озера. Потом наступило время, когда пилить стало нечего, потому что поставка бревен кончилась. В бухту пришли лесовозные шхуны и приняли баланс, сложенный штабелями во дворе. Груды теса тоже свезли. Заводские рабочие вынесли из лесопилки все оборудование и погрузили его на одну из шхун. Шхуна вышла из бухты в открытое озеро, унося на борту, поверх теса, которым был забит трюм, две большие пилы, тележку для подвоза бревен к вращающимся круглым пилам, все валы, колеса, приводные ремни и металлические части. Грузовой люк ее был затянут брезентом, туго перевязан канатами, и она на всех парусах вышла в открытое озеро, унося на борту все, что делало завод заводом, а Хортонс-Бей – городом.

Одноэтажные бараки, столовая, заводская лавка, контора и сам завод стояли заброшенные среди опилок, покрывавших целые акры болотистого луга вдоль берега бухты.

Через десять лет от завода не осталось ничего, кроме обломков белого известнякового фундамента, проглядывавших сквозь болотный подлесок, мимо которого проплывали в лодке Ник и Марджори. Они ловили рыбу на дорожку у самого берега канала, в том месте, где дно сразу уходит с песчаной отмели вниз, под двенадцать футов темной воды. Спустив с лодки дорожку, они плыли к мысу, расставить там на ночь удочки для ловли радужной форели.

– А вот и наши развалины, Ник, – сказала Марджори.

Занося весла, Ник оглянулся на белые камни среди зелени кустарника.

– Да, они самые, – сказал он.

– Ты помнишь, когда тут был завод? – спросила Марджори.

– Смутно, – сказал Ник.

– Похоже скорее, будто тут стоял замок, – сказала Марджори.

Ник промолчал. Они плыли вдоль берега, пока завод не скрылся из виду. Тогда Ник направил лодку через бухту.

– Не клюет, – сказал он.

– Да, – сказала Марджори. Она не спускала глаз с дорожки даже во время разговора. Она любила удить рыбу. Она любила удить рыбу с Ником.

У самой лодки блеснула большая форель. Ник налег на правое весло, стараясь повернуть лодку и провести тянувшуюся далеко позади наживку в том месте, где охотилась форель. Как только спина форели показалась из воды, пескари метнулись от нее в разные стороны. По воде пошли брызги, точно туда бросили пригоршню дробинок. С другой стороны лодки плеснула еще одна форель.

– Кормятся, – сказала Марджори.

– Да, но клёва-то нет, – сказал Ник.

Он повернул лодку так, чтобы провести дорожку мимо охотившихся форелей, а потом стал грести к мысу. Марджори начала наматывать леску на катушку только тогда, когда лодка коснулась носом берега.

Они вытащили ее на песок, и Ник взял с кормы ведро с живыми окунями. Окуни плавали в ведре. Ник выловил трех, отрезал им головы и счистил чешую, а Марджори все еще шарила

руками в ведре; наконец она поймала одного окуня и тоже отрезала ему голову и счистила чешую. Ник посмотрел на рыбку у нее в руке.

– Брюшной плавник не надо срезать, – сказал он. – Для наживки и так сойдет, но с брюшным плавником все-таки лучше.

Он насадил очищенных окуней с хвоста. У каждого удилица на конце поводка было по два крючка. Марджори отъехала от берега, зажав леску в зубах и глядя на Ника, а он стоял на берегу и держал удочку, пока не размоталась вся катушка.

– Ну, кажется, так! – крикнул он.

– Бросать? – спросила Марджори, взяв леску в руку.

– Да, бросай.

Марджори бросила леску за борт и стала смотреть, как наживка уходит под воду.

Она снова подъехала к берегу и проделала то же самое со второй леской. Ник положил по тяжелой доске на конец каждой удочки, чтобы они крепче держались, а снизу подпер их досками поменьше. Потом повернул назад ручки на обеих катушках, туго натянул лески между берегом и песчаным дном канала, куда была брошена наживка, и защелкнул затворы. Плавающая в поисках корма у самого дна, форель схватит наживку, кинется с ней, размотает за собой леску, предохранитель опустится, и катушка зазвенит.

Марджори отъехала подальше, чтобы не задеть лески. Она налегла на весла, и лодка пошла вдоль берега. Вслед за ней по воде тянулась мелкая рябь. Марджори вышла на берег, и Ник втащил лодку выше на песок.

– Что с тобой, Ник? – спросила Марджори.

– Не знаю, – ответил Ник, собирая хворост для костра.

Они разложили костер. Марджори сходила к лодке и принесла одеяло. Вечерний ветер относил дым к мысу, и Марджори расстелила одеяло левее, между костром и озером.

Марджори села на одеяло спиной к костру и стала ждать Ника. Он подошел и сел рядом с ней. Сзади них на мысу был частый кустарник, а впереди – залив с устьем Хортонс-Крика. Стемнеть еще не успело. Свет от костра доходил до воды. Им были видны два стальных удилица, поставленных под углом к темной воде. Свет от костра поблескивал на катушках.

Марджори достала из корзинки еду.

– Мне не хочется, – сказал Ник.

– Поешь чего-нибудь, Ник.

– Ну, давай.

Они ели молча и смотрели на удочки и отблески огня на воде.

– Сегодня будет луна, – сказал Ник. Он посмотрел на холмы за бухтой, которые все резче выступали на темном небе. Он знал, что за холмами встает луна.

– Да, я знаю, – сказала Марджори счастливым голосом.

– Ты все знаешь, – сказал Ник.

– Перестань, Ник. Ну пожалуйста, не будь таким.

– А что я могу поделать? – сказал Ник. – Ты все знаешь. Решительно все. В том-то и беда. Ты прекрасно сама это знаешь.

Марджори ничего не ответила.

– Я научил тебя всему. Ты же все знаешь. Ну, например, чего ты не знаешь?

– Перестань! – сказала Марджори. – Вон луна выходит.

Они сидели на одеяле, не касаясь друг друга, и смотрели, как поднимается луна.

– Зачем выдумывать глупости? – сказала Марджори. – Говори прямо, что с тобой?

– Не знаю.

– Нет, знаешь.

– Нет, не знаю.

– Ну скажи мне.

Ник посмотрел на луну, выходящую из-за холмов.

– Скучно.

Он боялся взглянуть на Марджори. Он взглянул на Марджори. Она сидела спиной к нему.

Он посмотрел на ее спину.

– Скучно. Все стало скучно.

Она молчала. Он снова заговорил:

– У меня такое чувство, будто все во мне оборвалось. Не знаю, Марджори. Не знаю, что тебе сказать.

Он все еще смотрел ей в спину.

– И любить скучно? – спросила Марджори.

– Да, – сказал Ник.

Марджори встала. Ник сидел, опустив голову на руки.

– Я возьму лодку, – крикнула ему Марджори. – Ты можешь пройти пешком вдоль мыса.

– Хорошо, – сказал Ник. – Я тебе помогу.

– Не надо, – сказала Марджори.

Она плыла в лодке по заливу, освещенному луной. Ник вернулся и лег ничком на одеяло у костра. Он слышал, как Марджори работает веслами.

Он долго лежал так. Он лежал так, а потом услышал шаги Билла, вышедшего на просеку из леса. Он почувствовал, что Билл подошел к костру. Билл не дотронулся до него.

– Ну что, ушла?

– Да, – сказал Ник, уткнувшись лицом в одеяло.

– Устроила сцену?

– Никаких сцен не было.

– Ну а ты как?

– Уйди, Билл. Погуляй там где-нибудь.

Билл выбрал себе сэндвич в корзинке и пошел взглянуть на удочки.

Глава четвертая

Трехдневная непогода

Жарища в тот день была адова. Мы соорудили поперек моста совершенно бесподобную баррикаду. Баррикада получилась просто блеск. Высокая чугунная решетка – с ограды перед домом. Такая тяжелая, что сразу не сдвинешь, но стрелять через нее удобно, а им пришлось бы перелезть. Шикарная баррикада. Они было полезли, но мы стали бить их с сорока шагов. Они брали ее приступом, а потом офицеры одни выходили вперед и пытались свалить ее. Заграждение получилось совершенно идеальное. Офицеры у них держались великолепно. Мы просто расвирепели, когда узнали, что правый фланг отошел и нам придется отступить.

Когда Ник свернул на дорогу, проходившую через фруктовый сад, дождь кончился. Фрукты были уже собраны, и осенний ветер шумел в голых ветках. Ник остановился и подобрал яблоко, блестящее от дождя в бурой траве у дороги. Он положил яблоко в карман куртки. Из сада дорога вела на вершину холма. Там стоял коттедж, на крыльце было пусто, из трубы шел дым. За коттеджем виднелись гараж, курятник и молодая поросль, поднимавшаяся точно изгородь на фоне леса. Он взглянул в ту сторону – большие деревья раскачивались вдалеке на ветру. Это была первая осенняя буря.

Когда Ник пересек поле за садом, дверь отворилась, и из коттеджа вышел Билл. Он остановился на крыльце.

– А-а, Уимидж, – сказал он.

– Хэлло, Билл, – сказал Ник, поднимаясь по ступенькам.

Они постояли на крыльце, глядя на озеро, на сад, на поля за дорогой и поросший лесом мыс. Ветер дул прямо с озера. С крыльца им был виден прибой у мыса Тен-Майл.

– Здорово дует, – сказал Ник.

– Это теперь на три дня, – сказал Билл.

– Отец дома? – спросил Ник.

– Нет. Ушел на охоту. Пойдем в комнаты.

Ник вошел в коттедж. В камине ярко горели дрова. Пламя с ревом рвалось в трубу. Билл захлопнул дверь.

– Выпьем? – сказал он.

Он сходил на кухню и вернулся с двумя стаканами и кувшином воды. Ник достал с полки над камином бутылку виски.

– Ничего? – спросил он.

– Давай, давай, – сказал Билл.

Они сидели у камина и пили ирландское виски с водой.

– Приятно отдает дымком, – сказал Ник и посмотрел через стакан на огонь.

– Это от торфа, – сказал Билл.

– Торф не может попасть в виски, – сказал Ник.

– Это ничего не значит, – сказал Билл.

– А ты видел когда-нибудь торф? – спросил Ник.

– Нет, – сказал Билл.

– И я не видел, – сказал Ник.

Ник протянул ноги к самому огню, и от его башмаков пошел пар.

– Ты бы разулся, – сказал Билл.

– Я без носков.

– Сними башмаки и просуши, а я дам тебе какие-нибудь носки, – сказал Билл. Он поднялся на чердак, и Ник слышал, как он ходит там наверху. Чердак был под самой крышей,

и Билл с отцом и сам Ник иногда спали там. К чердаку примыкал чулан. Они отодвигали койки от того места, где крыша протекала, и застилали их прорезиненными одеялами.

Билл вернулся с парой толстых шерстяных носков.

– Теперь уже поздновато ходить на босу ногу, – сказал он.

– Терпеть не могу влезать в них после лета, – сказал Ник. Он натянул носки и, откинувшись на спинку стула, положил ноги на экран перед камином.

– Смотри продавишь, – сказал Билл.

Ник переложил ноги на выступ камина.

– Есть что-нибудь почитать? – спросил он.

– Только газета.

– Как дела у «Кардиналов»?

– Проиграли подряд две игры «Гигантам».

– Ну, теперь им крышка.

– Нет, на этот раз просто поддались, – сказал Билл. – До тех пор пока Мак Гроу может покупать любого хорошего бейсболиста в лиге, им бояться нечего.

– Ну, всех-то не купишь, – сказал Ник.

– Кого нужно, покупает, – сказал Билл, – или так их настраивает, что они начинают фордыбачить, и лига с радостью сплавляет их ему.

– Как было с Хайни Зимом, – подтвердил Ник.

– Много ему проку будет от этой дубины.

Билл встал.

– Он здорово бьет, – сказал Ник. Жар от огня припекал ему ноги.

– Хайни Зим неплох на защите, – сказал Билл. – А все-таки команда из-за него проигрывает.

– Может, поэтому Мак Гроу и держится за Хайни, – сказал Ник.

– Может быть, – согласился Билл.

– Нам с тобой ведь не все известно, – сказал Ник.

– Ну конечно. Хотя для нашей дыры мы не так уж плохо осведомлены.

– Все равно как на скачках: лучше ставить на лошадей, когда их в глаза не видел.

– Вот именно.

Билл взял бутылку виски. Его большая рука охватила всю бутылку. Он налил виски в протянутый Ником стакан.

– Сколько воды?

– Столько же.

Он сел на пол рядом со стулом Ника.

– А хорошо, когда начинается осенняя буря, – сказал Ник.

– Замечательно.

– Самое лучшее время года, – сказал Ник.

– Вот уж не согласился бы жить сейчас в городе, – сказал Билл.

– А я хотел бы посмотреть «Уорлд Сириз», – сказал Ник.

– Ну-у, они теперь играют только в Филадельфии да в Нью-Йорке, – сказал Билл. – Нам от этого ни тепло ни холодно.

– Все-таки интересно, возьмут когда-нибудь «Кардиналы» первенство или нет?

– Как же, дожидайся! – сказал Билл.

– Вот бы обрадовались ребята! – сказал Ник.

– Помнишь, как они разошлись тогда, перед тем как попали в крушение?

– Да-а! – сказал Ник.

Билл потянулся за книгой, которая лежала заглавием вниз на столе у окна, там, куда он положил ее, когда пошел к двери. Прислонившись спиной к стулу Ника, он держал в одной руке стакан, в другой – книгу.

– Что ты читаешь?

– «Ричарда Феверела».

– А я не одолел его.

– Хорошая книга, – сказал Билл. – Неплохая книга, Уимидж.

– А что у тебя есть, чего я еще не читал? – спросил Ник.

– «Любовь в лесу» читал?

– Да. Это про то, как они ложатся спать и кладут между собой обнаженный меч?

– Хорошая книга, Уимидж.

– Книга замечательная. Только я не понимаю, какой им был толк от этого меча? Ведь его все время надо держать лезвием вверх, потому что если меч положить плашмя, то через него можно перекатиться, и тогда он ничему не помешает.

– Это символ, – сказал Билл.

– Наверно, – сказал Ник. – Только здравого смысла в этом ни на грош.

– А «Отвагу» ты читал?

– Вот это интересно! – сказал Ник. – Настоящая книга. Это где его отец все время донимает. У тебя есть что-нибудь еще Хью Уолпола?

– «Темный лес», – сказал Билл. – Про Россию.

– А что он смыслит в России? – спросил Ник.

– Не знаю. Кто их разберет, этих писателей. Может, он жил там еще мальчишкой. Там много всего про Россию.

– Вот бы с ним познакомиться, – сказал Ник.

– А я бы хотел познакомиться с Честертоном, – сказал Билл.

– Если бы он был сейчас здесь, – сказал Ник, – мы бы взяли его завтра на рыбалку в Вуа.

– А может, он не захотел бы пойти на рыбалку? – сказал Билл.

– Еще как захотел бы, – сказал Ник. – Он же замечательный малый. Помнишь «Перелетный кабак»?

Если ангел нам предложит
Воду пить, а не вино, —
Мы поклонимся учтиво
И плеснем ее в окно.

– Правильно, – сказал Ник. – По-моему, он лучше Уолпола.

– Еще бы. Конечно, лучше, – сказал Билл.

– Но Уолпол пишет лучше.

– Не знаю, – сказал Ник. – Честертон классик.

– Уолпол тоже классик, – не сдавался Билл.

– Хорошо бы, они оба были здесь, – сказал Ник. – Мы бы взяли их завтра на рыбалку в Вуа.

– Давай напьемся, – сказал Билл.

– Давай, – согласился Ник.

– Мой старик ругаться не будет, – сказал Билл.

– Ты в этом уверен? – сказал Ник.

– Ну конечно, – сказал Билл.

– А я и так уже немного пьян, – сказал Ник.

– Ничего подобного, – сказал Билл.

Он встал с пола и взял бутылку. Ник подставил ему свой стакан. Он не сводил с него глаз, пока Билл наливал виски. Билл налил стакан до половины.

– Воды сам добавь, – сказал он. – Тут еще только на одну порцию.

– А больше нет? – спросил Ник.

– Есть сколько хочешь, только отец не любит, когда я починаю бутылку.

– Ну конечно, – сказал Ник.

– Он говорит: те, кто починает бутылки, в конце концов спиваются, – пояснил Билл.

– Правильно, – сказал Ник. Это произвело на него большое впечатление. Такая мысль никогда не приходила ему в голову. Он всегда думал, что спиваются те, кто пьет в одиночку.

– А как поживает твой отец? – почтительно спросил он.

– Ничего, – сказал Билл. – Правда, иногда на него находит.

– Он у тебя молодчина, – сказал Ник. Он подлил себе в стакан воды из кувшина. Виски медленно смешивалось с водой. Виски было больше, чем воды.

– Что и говорить, – сказал Билл.

– Мой старик тоже неплохой, – сказал Ник.

– Ну еще бы, – сказал Билл.

– Он уверяет, что никогда в жизни не брал в рот спиртного, – сказал Ник торжественным тоном, точно сообщая о факте, имеющем непосредственное отношение к науке.

– Да, но ведь он доктор. А мой старик – художник. Это совсем другое дело.

– Мой много потерял в жизни, – с грустью сказал Ник.

– Кто его знает, – сказал Билл. – Неизвестно, где найдешь, где потеряешь.

– Он сам говорит, что много потерял, – признался Ник.

– Моему тоже нелегко приходилось, – сказал Билл.

– Значит, один черт, – сказал Ник.

Они смотрели на огонь и размышляли над этой глубокой истиной.

– Пойду принесу полено с заднего крыльца, – сказал Ник. Глядя в камин, он заметил, что огонь начинает гаснуть. Кроме того, ему хотелось доказать, что он умеет пить и не терять здравого смысла. Пусть отец никогда не брал спиртного в рот, Билл все равно не напоит его – Ника, пока сам не напьется.

– Выбери из буковых потолще, – сказал Билл. Он тоже был полон здравого смысла.

Ник возвращался с поленом через кухню и по пути сшиб с кухонного стола кастрюлю. Он положил полено на пол и поднял ее. В кастрюле были замочены сушеные абрикосы. Он старательно подобрал с пола все абрикосы – несколько штук закатилось под плиту – и положил их обратно в кастрюлю. Он подлил в абрикосы воды из стоящего рядом ведра. Он гордился собой. Здравый смысл ни на минуту не изменял ему. Он подошел с поленом к камину. Билл встал и помог ему положить полено в огонь.

– Полено первый сорт, – сказал Ник.

– Я берег его на случай плохой погоды, – сказал Билл. – Такое всю ночь будет гореть.

– И к утру горячие угли останутся на растопку, – сказал Ник.

– Верно, – согласился Билл. Разговор шел в самом возвышенном тоне.

– Выпьем еще, – сказал Ник.

– В буфете должна быть еще одна початая бутылка, – сказал Билл.

Он присел перед буфетом на корточки и достал оттуда квадратную бутылку.

– Шотландское, – сказал он.

– Пойду за водой, – сказал Ник. Он снова ушел на кухню. Он зачерпнул ковшиком холодной родниковой воды из ведра и налил ее в кувшин. На обратном пути он прошел в столовой мимо зеркала и посмотрелся в него. Узнать себя было трудно. Он улыбнулся лицу в зеркале, и оно ухмыльнулось в ответ. Он подмигнул ему и пошел дальше. Лицо было не его, но это не имело никакого значения.

Билл уже налил виски в стаканы.

– Не многовато ли? – сказал Ник.

– Это нам-то с тобой, Уимидж? – сказал Билл.

– За что будем пить? – спросил Ник, поднимая стакан.

– Давай выпьем за рыбную ловлю, – сказал Билл.

– Хорошо, – сказал Ник. – Джентльмены, да здравствует рыбная ловля!

– Везде и всюду, – сказал Билл. – Где бы ни ловили.

– Рыбная ловля, – сказал Ник. – Пьем за рыбную ловлю!

– А она лучше, чем бейсбол, – сказал Билл.

– Какое же может быть сравнение? – сказал Ник. – Как мы вообще могли говорить о бейсболе?

– Это была ошибка с нашей стороны, – сказал Билл. – Бейсбол – это игра для деревенщины.

Они допили стаканы до дна.

– Теперь выпьем за Честертон.

– И за Уолпола, – подхватил Ник.

Ник налил виски Биллу и себе. Билл подлил в виски воды. Они посмотрели друг на друга.

Оба чувствовали себя превосходно.

– Джентльмены! – сказал Билл. – Да здравствуют Честертон и Уолпол.

– Принято, джентльмены, – сказал Ник.

Они выпили. Билл снова налил стаканы. Они сидели в глубоких креслах перед камином.

– Это было очень умно с твоей стороны, Уимидж.

– О чем ты? – спросил Ник.

– О том, что ты порвал с Мардж, – сказал Билл.

– Да, пожалуй, – сказал Ник.

– Так и следовало сделать. Если бы ты не сделал этого, пришлось бы тебе уехать домой, работать и копить деньги на женитьбу.

Ник молчал.

– Раз уж человек женился, пропащее дело, – продолжал Билл. – Больше ему надеяться не на что. Крышка. Спета его песенка. Ты же видел женатых?

Ник молчал.

– Женатого сразу узнаешь, – сказал Билл. – У них такой сытый, женатый вид. Спета их песенка.

– Правильно, – сказал Ник.

– Может, это было нехорошо, порывать так сразу, – сказал Билл. – Но ведь всегда найдешь, в кого влюбиться, и все будет в порядке. Влюбляйся, только не позволяй им портить тебе жизнь.

– Да, – сказал Ник.

– Если бы ты женился на ней, тебе бы досталась в придачу вся их семья. Вспомни только ее мать и этого типа, за которого она вышла замуж.

Ник кивнул.

– Торчали бы они целыми днями у тебя в доме, а тебе пришлось бы ходить к ним по воскресеньям обедать и приглашать их к себе, а она все время учила бы Мардж, что надо делать и чего не надо.

Ник сидел молча.

– Ты еще легко отделался, – сказал Билл. – Теперь она может выйти замуж за кого-нибудь, кто ей под пару, обзаведется семьей и будет счастлива. Масла с водой не смешаешь, и в этих делах тоже ничего не следует мешать. Все равно как если бы я женился на Айде, которая служит у Стрэттонов. Она, наверно, была бы не прочь.

Ник молчал. Опыянение прошло и оставило его наедине с самим собой. Не было здесь Билла. Сам он не сидел перед камином, не собирался идти завтра на рыбалку с Биллом и его отцом. Он не был пьян. Все прошло. Он знал только одно: когда-то у него была Марджори, а теперь он ее потерял. Она ушла, он прогнал ее. Все остальное не имело никакого значения. Может быть, он никогда больше ее не увидит. Наверное, никогда не увидит. Все ушло, кончилось.

– Выпьем еще, – сказал Ник.

Билл налил виски. Ник подбавил в стаканы немного воды.

– Если бы ты не покончил со всем этим, мы бы не сидели сейчас здесь, – сказал Билл.

Это было верно. Раньше Ник собирался уехать домой и подыскать работу. Потом решил остаться на зиму в Шарльвуа, чтобы быть поближе к Марджори. Теперь он сам не знал, что ему делать.

– Мы бы, наверно, и на рыбную ловлю завтра не пошли, – сказал Билл. – Нет, ты правильно поступил.

– А что я мог с собой поделывать? – сказал Ник.

– Знаю. Так всегда бывает, – сказал Билл.

– Вдруг все кончилось, – сказал Ник. – Почему так получилось, не знаю. Я ничего не мог с собой поделывать. Все равно как этот ветер: налетит – и в три дня не оставит ни одного листка на деревьях.

– Кончилось и кончилось. Это самое главное, – сказал Билл.

– По моей вине, – сказал Ник.

– По чьей вине, это не важно, – сказал Билл.

– Да, верно, – сказал Ник.

Самое главное было то, что Марджори ушла и он, вероятно, никогда больше не увидит ее. Он говорил с ней о том, как они поедут в Италию, как им там будет хорошо вдвоем. О местах, в которых они побывают. Все это ушло теперь. И он сам что-то потерял.

– Кончилось, и точка, а остальное пустяки, – сказал Билл. – Знаешь, Уимидж, я очень за тебя беспокоился, пока это тянулось. Ты правильно поступил. Ее мама на стену лезет от досады. Она всем говорила, что вы помолвлены.

– Мы не были помолвлены, – сказал Ник.

– А говорят, что были.

– Я тут ни при чем, – сказал Ник. – Мы не были помолвлены.

– Разве вы не собирались пожениться? – спросил Билл.

– Собирались. Но мы не были помолвлены, – сказал Ник.

– Тогда какая разница? – скептически спросил Билл.

– Не знаю. Разница все-таки есть.

– Я ее не вижу, – сказал Билл.

– Ладно, – сказал Ник. – Давай напьемся.

– Ладно, – сказал Билл. – Напьемся по-настоящему.

– Напьемся, а потом пойдем купаться, – сказал Ник.

Он допил свой стакан.

– Мне ее очень жалко, но что я мог поделывать? – сказал он. – Ты же знаешь, какая у нее мать.

– Ужасная! – сказал Билл.

– Вдруг все кончилось, – сказал Ник. – Только напрасно я с тобой заговорил об этом.

– Ты не заговаривал, – сказал Билл. – Это я начал. А теперь все. Больше никогда не будем говорить об этом. Ты только не задумывайся. А то опять примешься за старое.

Такая мысль не приходила Нику в голову. Казалось, все было решено бесповоротно. Над этим стоило подумать. Ему стало легче.

– Конечно, – сказал он. – Это всегда может случиться.

Ему снова стало хорошо. Нет ничего непоправимого. Можно пойти в город в субботу вечером. Сегодня четверг.

– Это не исключено, – сказал он.

– Держи себя в руках, – сказал Билл.

– Постараюсь, – сказал он.

Ему было хорошо. Ничего не кончено. Ничего не потеряно. В субботу он пойдет в город. Он чувствовал ту же легкость на душе, что была в нем до того, как Билл начал этот разговор. Лазейку всегда можно найти.

– Давай возьмем ружья и пойдем на мыс, поищем твоего родителя, – сказал Ник.

– Давай.

Билл снял со стены два дробовика. Потом открыл ящик с патронами. Ник надел куртку и башмаки. Башмаки покоробились от огня. Ник все еще не протрезвился, но голова у него была свежая.

– Ну как ты? – спросил он.

– Прекрасно. В самый раз. – Билл застегивал свитер.

– А напиваться все-таки не стоит.

– Да, пожалуй. Надо было давно пойти погулять.

Они вышли на крыльцо. Ветер бушевал вовсю.

– От такого ветра все птицы в траву попадают, – сказал Билл.

Они пошли к саду.

– Я видел вальдшнепа сегодня утром, – сказал Билл.

– Может, нам удастся поднять его, – сказал Ник.

– При таком ветре нельзя стрелять, – сказал Билл.

На воздухе вся история с Мардж не казалась такой трагической. Это было вовсе не так уж важно. Ветер унес все это с собой.

– Прямо с большого озера дует, – сказал Ник.

До них донесся глухой звук выстрела.

– Это отец, – сказал Билл. – Он там, на болоте.

– Пойдем напрямиком, – сказал Ник.

– Пойдем нижним лугом, может, поднимем какую-нибудь дичь, – сказал Билл.

– Ладно, – сказал Ник.

Теперь это было совершенно не важно. Ветер выдул все у него из головы. Тем не менее в субботу вечером можно сходить в город. Неплохо иметь это про запас.

Глава пятая

Боец

Шестерых министров расстреляли в половине седьмого утра у стены госпиталя. На дворе стояли лужи. На каменных плитах было много мокрых опавших листьев. Шел сильный дождь. Все ставни в госпитале были наглухо заколочены. Один из министров был болен тифом. Два солдата вынесли его прямо на дождь. Они пытались поставить его к стене, но он сполз в лужу. Остальные пять неподвижно стояли у стены. Наконец офицер сказал солдатам, что поднимать его не стоит. Когда дали первый залп, он сидел в воде, уронив голову на колени.

Ник встал. Вроде бы ничего не сломано. Взглянул вверх рельсов на задние огни последнего вагона товарняка, исчезающего за поворотом дороги. По обе стороны железнодорожных путей поблескивала вода, дальше тянулось болото.

Ник ощупал колено. Штаны разорваны, кожа содрана. На руках ссадины, под ногти забились песок и зола. Он подошел к краю насыпи, спустился к воде и принялся мыть руки. Мыл их тщательно в холодной воде, вычищая грязь из-под ногтей. Потом присел на корточки и промыл ссадину на колене.

Эта сволочь, тормозной кондуктор! Он до него еще доберется. Он с ним еще повстречается. И уж тогда тот свое получит.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу».

Он попался на уловку, как дитё малое. Но уж больше его не провести.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу». А потом – бац, и он на четвереньках у самых рельсов.

Ник потер глаз. Над ним вспухла большая шишка. Непременно синяк будет. Глаз уже болел. Этот чертов тормозной кондуктор.

Он прикоснулся кончиками пальцев к шишке над глазом. Да ладно, будет синяк, только и всего. Он еще легко отделался. Хотелось взглянуть, как его разукрасило. Но в воде не увидеть. Уже стемнело, и жилья никакого нет поблизости. Ник вытер руки о штаны, встал и поднялся по насыпи к рельсам.

Пошел по путям. Шпалы утопали в засыпке, так что идти было легко. Нога твердо ступала по утрамбованному песку с гравием. Насыпь, ровная, как шоссе, пересекала болото. Ник шел и шел, чтобы скорее добраться до людей.

На подножку товарного поезда Ник запрыгнул неподалеку от узловой станции Уолтон, когда поезд замедлил ход. Калкаску поезд – с безбилетным Ником – миновал, когда начало темнеть. Ник полагал, что находится теперь неподалеку от Манселоны: их разделяли три-четыре мили сплошного болота. Он шагал по полотну, стараясь ступать между шпалами. Болото терялось в поднимающемся тумане. Глаз болел, и хотелось есть. Он все шел, оставляя позади милю за милей. По обе стороны насыпи все время тянулось неизменное болото.

Показался мост. Ник прошел по нему. Металл рельсов гулко отзывался на каждый его шаг, а внизу, в щелях между шпалами, чернела вода. Ник столкнул ногой валявшийся на мосту костыль, и он ушел под воду. За мостом пошли холмы. Они высились в темноте по обе стороны железнодорожных путей. Впереди Ник увидел костер.

Осторожно ступая, он пошел на огонь. Костер горел чуть в стороне от насыпи. Нику был виден только его отсвет. Железную дорогу проложили между холмами, и там, где горел костер, холм отступил, и видна была поляна в лесу. Ник осторожно спустился с насыпи и углубился в лес, чтобы сквозь заросли пробраться к костру. Лес был буковый, и, пробираясь между деревьями, он ощутил под ногами скорлупки буковых орешков. Наконец он ясно увидел костер на лесной опушке. Возле него сидел мужчина. Ник остановился за деревом и пригляделся. Муж-

чина был один, судя по всему. Он сидел, подперев голову руками, и смотрел на костер. Ник шагнул вперед, войдя в круг света.

Человек сидел и смотрел на огонь. Не пошевелился, даже когда Ник остановился совсем рядом с ним.

– Привет! – поздоровался Ник.

Мужчина поднял на него глаза.

– Где фонарь заработал? – спросил он.

– Тормозной кондуктор двинул.

– Скинул с товарного?

– Да.

– Видел гада, – кивнул мужчина. – Проехал здесь часа полтора назад. Шел по крышам вагонов, похлопывал себя по бокам и распевал.

– Подонок!

– Он, наверно, рад, что спихнул тебя. – Голос мужчины звучал серьезно.

– Я еще отплачу ему.

– Подстереги его с камнем, когда он будет проезжать обратно, – посоветовал мужчина.

– Я еще доберусь до него.

– Ты парень упертый, да?

– Нет, – ответил Ник.

– Все вы, мальчишки, упертые.

– Приходится быть упертым, – насупился Ник.

– Вот и я говорю.

Мужчина посмотрел на Ника и улыбнулся. На свету Ник увидел, что лицо обезображено. Расплющенный нос, глаза-щелки, расплывшиеся губы. Ник рассмотрел все это не сразу; сначала заметил только, что лицо странной формы и изуродованное. Оно больше походило на размалеванную маску. И в свете костра казалось мертвым.

– Что, не нравится моя сковородка? – спросил человек.

Ник смутился:

– Да ладно вам.

– Посмотри сюда.

Мужчина снял шапку.

Ухо у него осталось только одно. Раздутое и плотно прилегающее к голове. Вместо другого уха торчал обрубок.

– Видал когда-нибудь такое?

– Нет, – ответил Ник. Его чуть замутило.

– Я могу с этим жить, – продолжил мужчина. – Ты же видишь, парень, что могу?

– Будьте уверены!

– Они обломали об меня свои кулаки, – заявил этот невысокий мужчина. – А мне хоть бы что. – Он смотрел на Ника. – Садись. Есть хочешь?

– Не беспокойтесь, – ответил Ник. – Я иду в город.

– Знаешь, – мужчина его словно и не услышал, – зови меня Эд.

– Само собой!

– Знаешь, со мной не все в порядке.

– А что с вами?

– Я чокнутый.

Он надел шапку. Нику вдруг стало смешно.

– Да все с вами в порядке, – улыбнулся он.

– Нет, не все. Я чокнутый. Послушай, ты был когда-нибудь чокнутым?

– Нет, – покачал головой Ник. – Отчего это случается?

- Не знаю, – ответил Эд. – Происходит – и ты не замечаешь как. Ты ведь знаешь меня?
- Нет.
- Я Эд Фрэнсис.
- Быть не может!
- Не веришь?
- Верю.

Ник почувствовал, что это правда.

- Знаешь, чем я их брал?
- Нет, – ответил Ник.

– У меня медленное сердце. Бьется всего сорок раз в минуту. Пощупай.

Ник колебался.

– Давай. – Мужчина взял его за руку. – Пощупай мой пульс. Возьмись пальцами – вот так. Запястье у маленького человечка было толстым, кости обросли крепкими мышцами. Под

пальцами Ник почувствовал медленное биение.

- Часы есть?
- Нет.

– У меня тоже нет, – вздохнул Эд. – Ничего не выйдет, если часов нет.

Ник отпустил руку.

– Знаешь, возьмись снова, – предложил Эд Фрэнсис. – Ты считай удары, а я буду считать до шестидесяти.

Ощущая под пальцами медленные, резкие удары, Ник начал считать. Слышал, как мужчина медленно отсчитывает вслух: раз, два, три, четыре, пять...

- Шестидесят, – закончил Эд. – Минута. А у тебя сколько?
- Сорок, – ответил Ник.
- Верно! – обрадовался Эд. – Никогда не учащается.

С насыпи спустился человек, пересек поляну, направляясь к костру.

- Привет, Багс! – поздоровался Эд.
- Привет! – ответил Багс.

По выговору чувствовалось, что это негр. Ник уже по шагам понял, что это негр. Он стоял к ним спиной, наклонившись к огню. Потом выпрямился.

- Это мой друг, Багс, – представил вновь прибывшего Эд. – Он тоже чокнутый.
- Рад познакомиться. – Багс смотрел на Ника. – Так вы откуда, говорите?
- Из Чикаго, – ответил Ник.
- Славный город, – кивнул негр. – Я не расслышал, как вас зовут?

– Адамс. Ник Адамс.

– Он говорит, что никогда не был чокнутым, Багс, – поделился Эд.

– У него еще все впереди, – ответил негр. Стоя у огня, он разворачивал принесенный с собой сверток.

- Скоро есть будем, Багс? – спросил боксер.
- Прямо сейчас.
- Ты голоден, Ник?
- Чертовски.
- Слышишь, Багс?
- Я обычно все слышу.
- Да я не о том спрашиваю.
- Да. Я слышал, что сказал этот господин.

Он выложил на сковородку куски ветчины.

Когда сковородка накалилась и жир зашкворчал, Багс, нагнувшись над костром на своих длинных, как у всех негров, ногах, перевернул ветчину на другую сторону, стал разбивать о борт сковородки яйца и выливать их на раскаленный жир.

– Вас не затруднит нарезать хлеб, мистер Адамс? – Багс повернулся к нему. – Он в том мешке.

– С удовольствием.

Ник подошел к мешку и достал большой круглый хлеб. Отрезал шесть ломтей.

Эд приподнялся и наклонился вперед, наблюдая за ним.

– Дай-ка мне нож, Ник, – попросил он.

– Нет, не давайте, – вмешался негр. – Держите нож крепче, мистер Адамс.

Боксер вновь сел.

– Будьте добры, дайте-ка мне этот хлеб, мистер Адамс, – попросил Багс.

Ник принес ему нарезанные ломти.

– Любите макать хлеб в растопленный свиной жир? – спросил негр.

– Еще бы!

– Этим лучше займемся потом, на закуску. Пожалуйста.

Негр взял кусок жирной ветчины, положил на ломоть и сверху прикрыл яйцом.

– Теперь накройте другим куском хлеба и передайте, пожалуйста, сэндвич мистеру Фрэнсису.

Эд взял сэндвич и принялся за еду.

– Смотрите, чтобы яйцо не потекло, – предупредил негр. – Это вам, мистер Адамс. Остальное мне.

Ник впился зубами в сэндвич. Негр сидел против него, рядом с Эдом. Горячая поджаренная ветчина с яичницей были изумительны.

– Мистер Адамс здорово проголодался, – отметил негр.

Мужчина небольшого росточка, имя которого Нику было известно, – как-никак чемпион по боксу, – сидел молча. Он не проронил ни слова после того, как негр не позволил Нику отдать ему нож.

– Могу я предложить вам обмакнуть хлеб в растопленный жир? – спросил Багс.

– Большое спасибо.

Белый коротышка посмотрел на Ника.

– А вам, мистер Адольф Фрэнсис? – Багс протянул и ему сковородку.

Эд не отвечал и смотрел на Ника.

– Я обращаюсь к вам, мистер Фрэнсис! – вновь послышался мягкий голос негра.

Эд не отвечал. Смотрел на Ника.

– Я вас спрашиваю, мистер Фрэнсис, – мягко повторил негр.

Эд продолжал смотреть на Ника. Шапку он надвинул на глаза. Нику стало не по себе.

– Какой черт тебя сюда принес? – раздался резкий вопрос из-под шапки. – Кого ты из себя корчишь? Говнюк сопливый! Приходишь сюда, хотя никто тебя не звал, жрешь чужую еду, а попросишь у тебя нож, так корчишь из себя хрен знает кого.

Он не сводил взгляда с Ника, лицо у него побледнело, шапка совсем съехала, так что глаз почти не было видно.

– Недоносок! Кто, к черту, тебя сюда звал?

– Никто.

– Правильно, черт побери, никто. И оставаться никто не просил. Пришел, наговорил гадостей о моем лице, курит мои сигары, хлещет мою выпивку да еще рассуждает, сопляк! Ты думаешь, тебе это так сойдет?

Ник ничего не ответил. Эд встал.

– погоди, желторотая чикагская свинья! Я тебе голову проломлю! Понял?

Ник отступил на шаг. Маленький человечек медленно двинулся на него, тяжело ступая, выставляя вперед левую ногу и подтягивая следом правую.

– Ударь меня! – качнул он головой. – Возьми и ударь!

– Я не хочу бить вас.

– Тебе это так не сойдет. Я тебя отделаю, слышишь? Так что подойди и ударь первым.

– Бросьте вы, – ответил Ник.

– Ах, ты так, подонок!

Маленький человечек посмотрел на ноги Ника. А когда собрался перевести взгляд на негра, тот, шедший следом от самого костра, нацелился и нанес ему удар в затылок. Эд упал на живот, и Багс отбросил дубинку, обмотанную тряпкой. Эд лежал, уткнувшись лицом в траву. Негр поднял маленького человечка и отнес к костру. Лицо Эда выглядело ужасно, глаза открылись. Багс бережно положил его на землю.

– Принесите, пожалуйста, воду в ведре, мистер Адамс, – попросил он. – Боюсь, что ударил его чересчур сильно.

Негр брызнул ему в лицо водой и осторожно потянул за оставшееся ухо. Глаза закрылись.

Негр выпрямился.

– Все в порядке. – В голосе слышалось облегчение. – Беспокоиться нечего. Простите, мистер Адамс.

– Ничего, ничего.

Ник смотрел вниз, на лежащего мужчину. Затем увидел на траве дубинку и поднял ее. Ручка гнулась и подавалась под пальцами. Черная кожа на ней истерлась, а тяжелый конец Багс обмотал носовым платком.

– Ручка из китового уса, – улыбнулся негр. – Таких теперь не делают. Я не знал, сумеете ли вы с ним справиться, и потом не хотел, чтобы вы причинили ему боль или изуродовали еще больше.

Негр опять улыбнулся.

– Но вы сами его ударили.

– Я знаю, как ударить. Он даже не вспомнит. Мне приходится это делать, чтобы успокоить его в таких ситуациях.

Ник все еще смотрел на маленького человечка, лежавшего с закрытыми глазами в свете костра. Багс подбросил дров в огонь.

– Не бойтесь за него, мистер Адамс. Я вижу его таким не первый раз.

– Отчего он свихнулся? – спросил Ник.

– От многого, – ответил негр, стоя у костра. – Не хотите ли чашку кофе, мистер Адамс?

Он протянул Нику чашку и поправил куртку, которую подложил под голову лежащего без сознания мужчины.

– Во-первых, его слишком много били, – сказал негр, потягивая кофе. – От этого он только поглупел. Затем его сестра была его импресарио, и тогда в газетах всякое писали про братьев и сестер, о том, как она любила брата, а он любил сестру, и как они поженились в Нью-Йорке, из-за чего вышло много неприятностей.

– Я это помню.

– Естественно. Хотя скажу вам, они такие же брат с сестрой, как братец Кролик и Лис, но очень многим это не понравилось, и между ними начались ссоры, пока однажды она просто не уехала и больше не вернулась.

Он допил свой кофе и вытер губы розовой ладонью.

– Он сразу и сошел с ума. Хотите еще кофе, мистер Адамс?

– Спасибо.

– Я видел ее пару раз, – продолжал негр. – Очень красивая женщина. Очень похожа на брата. Он-то был совсем недурен, пока ему не изуродовали лицо.

Он замолк. Казалось, рассказ на этом кончен.

– А где вы с ним познакомились? – спросил Ник.

– В тюрьме, – ответил негр. – Он начал бросаться на людей, после того как она ушла, и его посадили в тюрьму. А меня – за то, что человека зарезал. – Он улыбнулся и продолжал все тем же мягким голосом: – Он мне сразу понравился, и, выйдя из тюрьмы, я его разыскал. Ему нравится считать меня чокнутым, а я не возражаю. Меня его компания устраивает, я люблю путешествовать – и даже воровать для этого не приходится. Мне нравится жить, не нарушая закона.

– Что же вы с ним делаете?

– Да ничего. Просто ездим с места на место. У него есть деньги.

– Он, наверное, здорово зарабатывал?

– Еще бы! Хотя он уже все растратил. А может быть, его обворовали. Она присылает ему деньги.

Длинной веткой он поворошил угли.

– Она замечательная женщина, – повторил Багс. – И похожа на него как две капли воды.

Негр оглянулся на маленького человечка, который тяжело дышал. Его светлые волосы свисали на лоб. Изуродованное лицо было по-детски безмятежно.

– Пора приводить его в чувство, мистер Адамс. Не сердитесь, но, я думаю, вам лучше уйти. Не хочу показаться невежливым, но, увидев вас, он может опять выйти из себя. Терпеть не могу бить его, хотя это единственный способ его успокоить, когда он разойдется. Приходится держать его подальше от людей. Вы не сердитесь, мистер Адамс? Нет, не благодарите меня, мистер Адамс. Мне следовало предупредить вас, но вы ему вроде бы очень понравились, и я понадеялся, что все обойдется хорошо. До города по железной дороге примерно две мили. Он называется Манселона. Прощайте! Я бы с удовольствием пригласил вас переночевать с нами, но об этом теперь и говорить не приходится. Может, возьмете с собой хлеба с салом? Нет? Возьмите все-таки сэндвич.

Все это произносилось спокойным, низким и мягким голосом, как говорят пожилые негры.

– Ну вот и хорошо. Прощайте, мистер Адамс. Прощайте, и удачи вам!

Ник направился через поляну к железнодорожной насыпи. Оказавшись в темноте, он прислушался. Негр говорил все тем же низким, мягким голосом. Слов было не разобрать. Потом послышался голос маленького человечка:

– У меня ужасно болит голова, Багс.

– Ничего, пройдет, мистер Фрэнсис, – утешал голос негра. – Выпейте чашку горячего кофе.

Ник поднялся на насыпь и пошел по шпалам. Заметив, что держит в руке сэндвич с окороком, сунул его в карман. Пока рельсы не повернули за холм, он, оглядываясь назад, видел отсветы костра на лесной опушке.

Глава шестая

Очень короткая история

Ник сидел, прислонясь к стене церкви, куда его притащили с улицы, чтобы укрыть от пулеметного огня. Ноги его неестественно торчали. У него был задет позвоночник. Лицо его было потное и грязное. Солнце светило ему прямо в лицо. День был очень жаркий. Ринальди лежал среди разбросанной амуниции ничком у стены, выставив широкую спину. Ник смотрел прямо перед собой блестящими глазами. Розовая стена дома напротив рухнула, отвалившись от крыши, и над улицей повисла исковерканная железная кровать. В тени дома, на груди щебня, лежали два убитых австрийца... Дальше по улице были еще убитые. Бой в городе приближался к концу. Все шло хорошо. Теперь с минуты на минуту можно было ожидать санитаров. Ник осторожно повернул голову и посмотрел на Ринальди. «Senta¹⁷, Ринальдо, senta. Оба мы с тобой заключили сепаратный мир». Ринальди неподвижно лежал на солнце и тяжело дышал. «Мы с тобой плохие патриоты». Ник осторожно отвернулся, слясь улыбнуться. Ринальди был безнадежным собеседником.

Однажды жарким вечером в Падуе его вынесли на крышу, и он мог смотреть на город поверх домов. В небе резвились стрижи. Вскоре стемнело, и по нему зашарили прожекторы. Остальные отправились вниз, прихватив с собой бутылки. Им с Луз были слышны их голоса с нижнего балкона. Луз присела на край его кровати. Посреди ночной духоты она была свежа и прохладна.

Уже три месяца Луз дежурила по ночам. Ей это охотно позволяли. Когда его собрались оперировать, она сама готовила его к операции, и они придумали шутку про клизму – кружку-подружку. Впадая в забытие под наркозом, он изо всех сил старался не потерять контроля над собой, чтобы не наболтать лишнего в бессознательном состоянии. Научившись передвигаться на костылях, он, бывало, сам разносил градусники, чтобы Луз не вставала с постели. Раненых было немного, и все всё о них знали. Луз все любила. Возвращаясь по коридору в палату, он думал о том, что Луз лежит сейчас в его постели.

Перед тем как настало время ему снова отправляться на фронт, они пошли в Duomo¹⁸ и помолились. Рядом молились другие люди, в соборе было сумеречно и тихо. Они хотели пожениться, но не хватало времени для оглашения, да и метрик ни у одного из них не имелось. Тем не менее они чувствовали себя так, словно обвенчались, но им было нужно, чтобы все об этом знали и чтобы они никогда не могли это потерять.

¹⁷ Слушай (ит.).

¹⁸ Собор (ит.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.